

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Царь-девица

В некотором царстве, в некотором государстве был купец; жена у него померла, остался один сын Иван. К этому сыну приставил он дядьку, а сам через некоторое время женился на другой жене, и как Иван купеческий сын был уже на возрасте и больно хорош собою, то мачеха и влюбилась в него. Однажды Иван купеческий сын отправился на плотике по́морю охотничать с дядькою; вдруг увидели они, что плывут к ним тридцать кораблей. На тех кораблях была царь-девица с тридцатью другими девицами, своими названными сестрицами. Когда плотик сплылся с кораблями, тотчас все тридцать кораблей стали на якорях. Ивана купеческого сына вместе с дядькою позвали на самый лучший корабль; там их встретила царь-девица с тридцатью девицами, названными сестрицами, и сказала Ивану купеческому сыну, что она его крепко полюбила и приехала с ним повидаться. Тут они и обручились.

□Царь-девица наказала Ивану купеческому сыну, чтобы завтра в то же самое время приезжал он на это место, распростилась с ним и отплыла в сторону. А Иван купеческий сын воротился домой, поужинал и лёг спать. Мачеха завела его дядьку в свою

комнату, напоила пьяным и стала спрашивать: не было ли у них чего на охоте? Дядька ей всё рассказал. Она, выслушав, дала ему булавку и сказала:

– Завтра, как станут подплывать к вам корабли, воткни эту булавку в одежду Ивана купеческого сына.

Дядька обещался исполнить приказ.

□Поутру встал Иван купеческий сын и отправился на охоту. Как скоро увидел дядька плывущие вдали корабли, тотчас взял и воткнул в его одежду булавочку.

– Ах, как я спать хочу! – сказал купеческий сын. – Послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а как подплывут корабли, в то время, пожалуйста, разбуди меня.

– Хорошо! Отчего не разбудить?

Вот приплыли корабли и остановились на якорях; царь-девица послала за Иваном купеческим сыном, чтоб скорее к ней пожаловал; но он крепко-крепко спал. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни делали – не могли разбудить; так и оставили.

□Царь-девица наказала дядьке, чтобы Иван купеческий сын завтра опять сюда же приезжал, и велела подымать якоря и паруса ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернул булавочку, и Иван купеческий сын проснулся, вскочил и стал кричать, чтоб царь-девица назад воротилась. Нет, уж она далеко, не слышит. Приехал он домой печальный, кручинный. Мачеха привела дядьку в свою комнату, напоила допьяна, повыспросила всё, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку. На другой день Иван купеческий сын поехал на охоту, опять проспал всё время и не видал царь-девицы; наказала она побывать ему ещё один раз.

□На третий день собрался он с дядькою на охоту; стали подъезжать к старому месту; увидели: корабли вдали плывут, дядька тотчас воткнул булавочку, и Иван купеческий сын заснул

крепким сном. Корабли приплыли, остановились на якорях; царь-девица послала за своим наречённым женихом, чтобы к ней на корабль пожаловал. Начали его будить всячески, но что ни делали – не могли разбудить. Царь-девица уведала хитрости мачехины, измену дядькину и написала к Ивану купеческому сыну, чтобы он дядьке голову отрубил, и если любит свою невесту, то искал бы её за тридевять земель, в тридесятом царстве. Только распустили корабли паруса и поплыли в широкое море, дядька выдернул из одёжи Ивана купеческого сына булавочку, и он проснулся, начал громко кричать да звать царь-девицу; но она была далеко и ничего не слыхала. Дядька подал ему письмо от царь-девицы; Иван купеческий сын прочитал его, выхватил свою саблю острую и срубил злему дядьке голову, а сам пристал поскорее к берегу, пошёл домой, распрощался с отцом и отправился в путь-дорогу искать тридесятое царство.

□Шёл он куда глаза глядят, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, – приходит к избушке; стоит в чистом поле избушка, на куричьих голяшках^[1] повёртывается. Взошёл в избушку, а там баба-яга костяная нога.

– Фу-фу! – говорит. – Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришёл. Волей али неволей, добрый молодец?

– Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятого царства?

– Нет, не ведаю! – сказала ягая и велела ему идти к своей средней сестре: та не знает ли?

□Иван купеческий сын поблагодарил её и отправился дальше; шёл, шёл, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, приходит к такой же избушке, взошёл – и тут баба-яга.

– Фу-фу! – говорит. – Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришёл. Волей али неволей, добрый молодец?

– Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, где тридесятое царство?

– Нет, не знаю! – отвечала ягая и велела ему зайти к своей младшей сестре: та, может, и знает «Коли она на тебя рассердится да захочет съесть тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на них: в первую трубу негромко играй, в другую погромче, а в третью ещё громче». Иван купеческий сын поблагодарил ягую и отправился дальше.

Шёл-шёл, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец увидал избушку – стоит в чистом поле, на куричьих голяшках повёртывается; взошёл – и тут баба-яга.

– Фу-фу! Русского духу слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сам пришёл! – сказала ягая и побежала зубы точить, чтобы съесть незваного гостя.

Иван купеческий сын выпросил у ней три трубы, в первую негромко играл, в другую погромче, а в третью ещё громче. Вдруг налетели со всех сторон всякие птицы; прилетела и жар-птица.

– Садись скорей на меня, – сказала жар-птица, – и полетим, куда тебе надобно; а то баба-яга съест тебя!

Только успел сесть на неё, прибежала баба-яга, схватила жар-птицу за хвост и выдернула немало перьев.

Жар-птица полетела с Иваном купеческим сыном; долгое время неслась она по поднебесью и прилетела, наконец, к широкому морю.

– Ну, Иван купеческий сын, тридесятое царство за этим морем лежит; перенести тебя на ту сторону я не в силах; добирайся туда, как сам знаешь!

Иван купеческий сын слез с жар-птицы, поблагодарил и пошёл по берегу.

□Шёл-шёл – стоит избушка, вошёл в неё; повстречала его старая старуха, напоила-накормила и стала спрашивать: куда идёт, зачем странствует? Он рассказал ей, что идёт в тридесятое царство, ищет царь-девицу, свою суженую.

– Ах! – сказала старушка. – Уж она тебя не любит больше; если ты попадёшься ей на глаза – царь-девица разорвёт тебя: любовь её далеко запрятана!

– Как же достать её?

– Подожди немножко! У царь-девицы живёт дочь моя и сегодня обещалась побывать ко мне; разве через неё как-нибудь узнаем.

Тут старуха обернула Ивана купеческого сына булавкою и воткнула в стену; ввечеру прилетела её дочь. Мать стала её спрашивать: не знает ли она, где любовь царь-девицы запрятана?

– Не знаю, – отозвалась дочь и обещала допытаться про то у самой царь-девицы.

На другой день она опять прилетела и сказала матери:

– На той стороне океана-моря стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь-девицы!

□Иван купеческий сын взял хлеба и отправился на сказанное место; нашёл дуб, снял с него сундук, из него вынул зайца, из зайца утку, из утки яйцо и воротился с яичком к старухе. Настали скоро именины старухины; позвала она к себе в гости царь-девицу с тридцатью иными девицами, её названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана купеческого сына срядила по-праздничному и спрятала.

□Вдруг в полдень прилетают царь-девица и тридцать иных девиц, сели за стол, стали обедать; после обеда положила старушка всем по простому яичку, а царь-девице то самое, что Иван купеческий сын добыл. Она съела его и в ту ж минуту крепко-крепко полюбила Ивана купеческого сына. Старуха сейчас его

вывела; сколько тут было радостей, сколько веселья! Уехала царь-девица вместе с женихом-купеческим сыном в своё царство; обвенчались и стали жить да быть да добро копить.

[1] – Голяшки – голени.

     (Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

 Загрузка...